

Энгельс Фридрих. Прудон

Париж. Вчера мы писали о монтаньярах и социалистах, о кандидатуре Ледрю-Роллена и кандидатуре Распайля, о «Réforme» и о «Peuple» гражданина Прудона. Мы обещали вернуться к Прудону.

Кто такой гражданин Прудон?

Гражданин Прудон — бургундский крестьянин, который переменял много профессий и занимался изучением различных наук. Впервые он привлек к себе внимание публики появившимся в 1840г. памфлетом: «Что такое собственность?». Ответ гласил: «Собственность — это кража».

Этот неожиданный вывод поразил французов. Правительство Луи-Филиппа, суровый Гизо, которому чуждо чувство юмора, оказались настолько ограниченными, что посадили Прудона на скамью подсудимых. Но напрасно. Можно было предвидеть, что за такой пикантный парадокс он будет оправдан любым французским судом присяжных. Так оно и случилось. Правительство осрамилось, а Прудон стал знаменитым человеком.

Что касается самой книги, то вся она была в духе приведенного выше вывода. Каждая глава представляла собой удивительный парадокс в такой форме, какой французам еще не приходилось встречать.

В остальном книга состоит частью из морально-юридических, частью из морально-экономических рассуждений. Каждое из них имеет целью доказать, что собственность основана на противоречии. Что касается юридических доводов, то с ними можно согласиться, поскольку нет ничего более легкого, чем доказать, что вся юриспруденция вообще основана на сплошных противоречиях. Что же касается экономических рассуждений, то они содержат мало нового, а то новое, что в них есть, основано на ложных вычислениях. Тройное правило всюду злостно нарушается.

Однако французы в этой книге не разобрались. Юристы находили ее слишком экономической, экономисты — слишком юридической, и те и другие — слишком морализирующей. *Après tout,—заявили они наконец,—c'est un ouvrage remarquable {всё же это замечательное произведение}.*

Но Прудон стремился к еще большему триумфу. После ряда мелких статей, прошедших незамеченными, в 1846г. вышла, наконец, его «Философия нищеты» в двух огромных томах. В этом произведении, которое должно было увековечить его имя, Прудон применил грубо искаженный философский метод Гегеля для обоснования какой-то странной и совершенно неправильной системы политической экономии и попытался путем всевозможных трансцендентальных фокусов обосновать новую социалистическую систему свободной рабочей ассоциации. Эта система была столь нова, что под названием «Equitable Labour

Exchange Bazaars or Offices» она уже успела десяток лет тому назад десяток раз обанкротиться в десятке различных городов Англии.

Это тяжеловесное, пухлое псевдонаучное произведение, в котором были брошены самые грубые упреки не только всем предшествующим экономистам, но и всем предшествующим социалистам, не произвело на легкомысленных французов абсолютно никакого впечатления. Такой манеры изложения и рассуждения им еще не приходилось встречать, и она гораздо менее соответствовала их вкусам, чем курьезные парадоксы предыдущего произведения Прудона. Подобных парадоксов и здесь нашлось немало (так, например, Прудон совершенно серьезно объявил себя «личным врагом Иеговы»), но они погребены под спудом мнимо-диалектических рассуждений. Французы опять заявили: «c'est un ouvrage remarquable», и отложили его в сторону. В Германии это произведение было принято, разумеется, с большим почтением.

Маркс выпустил тогда свой столь же остроумный, сколь и основательный труд против Прудона (Карл Маркс. «Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона». Брюссель и Париж, 1847) — труд, в тысячу раз более французский по складу мыслей и языку, нежели претенциозная нелепость Прудона.

Что касается критики существующих общественных отношений, содержащейся в обоих произведениях Прудона, то, прочтя эти произведения, можно со спокойной совестью сказать, что она равна нулю.

Что касается проектов Прудона относительно социального преобразования, то, как уже было сказано, они имеют лишь то преимущество, что уже много лет тому назад блестяще проявили себя в Англии в виде многочисленных банкротств.

Таков был Прудон до революции. В то время как он еще пытался издавать ежедневную газету «Representant du Peuple» без капитала, но с помощью вычислений, которые не уступают вычислениям, игнорирующим тройное правило, парижские рабочие восстали, прогнали Луи-Филиппа и учредили республику.

Благодаря республике Прудон стал сперва «гражданином»; благодаря голосованию парижских рабочих, веривших в его честное имя социалиста, он стал затем народным представителем.

Таким образом, революция вытолкнула гражданина Прудона из области теории в область практики, из его берлоги на форум. Как вел себя этот упрямый, надменный самоучка, который с одинаковым презрением относился ко всем существовавшим до него авторитетам — юристам, академикам, экономистам и социалистам, который объявил всю предшествующую историю нелепостью, а себя самого, так сказать, новым мессией, — как проявил он себя, когда он сам должен был помогать творить историю?

Надо сказать к его чести, что он начал с того, что занял место на крайней левой среди тех самых социалистов и голосовал вместе с теми же самыми социалистами, которых он так глубоко презирал и на которых так резко нападал, называя невеждами и высокомерными глупцами.

Правда, говорят, что на собраниях партии Горы он с новым пылом возобновил свои старые резкие нападки на прежних противников, что он их всех вместе и каждого в отдельности объявил невеждами и фразерами, которые не знают даже азбучных основ того, о чем говорят.

Мы охотно верим этому. Мы охотно верим даже тому, что изложенные с сухой страстностью и самонадеянностью доктринера экономические парадоксы Прудона приводят в немалое замешательство господ монтаньяров. Очень немногие из них являются экономистами-теоретиками, и они в большей или меньшей степени полагаются на маленького Луи Блана; а маленький Луи Блан, хотя он и гораздо более серьезный писатель, нежели непогрешимый Прудон, все же обладает слишком интуитивным мышлением, чтобы справиться с претенциозными псевдонаучными экономическими положениями Прудона, с его причудливой трансцендентальностью и мнимо-математической логикой. К тому же Луи Блан вскоре был вынужден бежать из Франции, а его паства, беспомощная в области политической экономии, оказалась без защиты и попала в свирепые когти волка-Прудона.

Пожалуй, нет необходимости повторять, что Прудон, несмотря на все эти триумфы, все же остается в высшей степени слабым экономистом. Однако его слабые стороны относятся как раз к той области, в которой несведуще большинство французских социалистов.

Самого большого триумфа, который был им когда-либо пережит, Прудон добился на трибуне Национального собрания. Не помню уж, по какому поводу он взял слово и вызвал озлобление буржуазии в Собрании тем, что в течение полутора часов изливал непрерывный поток чисто прудоновских парадоксов, один сумасброднее другого, причем каждый был рассчитан на то, чтобы грубейшим образом оскорбить самые святые и самые заветные чувства слушателей. И все это преподносилось со свойственным ему сухим педантическим равнодушием, на невыразительном, педантическом бургундском диалекте, самым холодным и невозмутимым тоном в мире. Эффект — виттова пляска взбешенных буржуа — был действительно недурен.

Но это был апогей общественной деятельности Прудона. Тем временем он продолжал через свою газету «Representant du Peuple», которая после горьких опытов с тройным правилом была с трудом создана и вскоре превращена просто в «Peuple», а также в рабочих клубах пропагандировать свою теорию, призванную осчастливить мир. И все это не без успеха. «On ne le comprend pas», — говорили рабочие, — «mais c'est un homme remarquable» {Его не понять, но это замечательный человек}.

Написано Ф. Энгельсом в начале декабря 1848г.

Впервые опубликовано на языке оригинала в Marx — Engels Gesamtausgabe, Abt. I, Bd. 7, 1935

Печатается по рукописи

Перевод с немецкого

Версия #2

Зверобой создал 24 марта 2025 05:17:07

Зверобой обновил 24 марта 2025 05:19:21